

А. Д. Каксин

СТАРЫЕ КОРНИ И НОВЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ: ОБРАЗНЫЙ ПЕРЕНОС КАК СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ¹

В статье рассматривается одно из важнейших языковых семантических явлений – создание новых лексем, исходя из существующих единиц, каким-либо формальным способом (суффиксацией, словосложением), подкрепленным семантической трансформацией. Цель: выявить случаи проявления в хантыйском языке скрытой (этимологической) и актуализированной образности среди единиц базового словарного состава. В результате исследования сформулировано понятие образности применительно к словарному составу (или лексикону) языка, проведено разграничение между глубинной (или скрытой) и явной, лежащей на поверхности, образностью. Снятая (или скрытая) образность постулируется во многих случаях, когда обнаруживается так называемый «несуффиксальный» способ словообразования. Его можно назвать таковым, если исходить из реалий современного языка: этимологический анализ позволяет выявить тот компонент, который участвовал в создании слова на древних стадиях развития данного языка. Явная образность фиксируется среди тех случаев, когда новая лексическая единица образуется с помощью живых суффиксов или словосложением. При этом иногда происходит семантическое осложнение: появление новой словарной единицы обусловлено не столько аффиксацией (или суммой слагаемых корней), сколько образным переосмыслением значения мотивирующего корня (или слагаемых компонентов). Во всех этих случаях внесение элемента образности рассматривается как нарушающий общепринятую логику, нетривиальный способ словообразования. Рассмотрение возможности выделения отдельного разряда образных слов является новацией в хантыйском языкознании. Эмпирическую базу исследования составили записи разговорной речи ханты (сделанные в период 1985–2001 годов) и словари хантыйского языка.

Ключевые слова: лексикон языка, образность, этническая культура, когнитивная функция языка, общее языкознание, лингвистическая типология, хантыйский язык.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-314-322

Пристальное внимание к вопросам происхождения и функционирования языковых единиц означает, что в лингвистике не угас интерес к натурфилософской проблематике естественного языка (или философским проблемам языкознания). При этом не обязательно, чтобы автор причислял себя к какому-либо лингвофилософскому направлению (например, неогумбольдтианству). Достаточно того, чтобы он отдавал отчет в том, что «разные стороны отдельных вещей включают одни и те же отдельные вещи в разные классы» [Чесноков 1977, 40]. Важными отправными точками для нас являются также меткие замечания выдающегося лингвиста, профессора М. И. Черемисиной о разных типах образности в европейских и индейских языках, а также в языках аборигенных сибирских народов [Черемисина 1992, 76–77].

Исходя из таких посылов, анализ мотивационных связей внутри круга базовых лексических единиц выявляет две главные словообразовательные стратегии. Они возникли, по всей видимости, еще на первых стадиях развития языка. В первом случае преемственная цепочка основывается на объективной, физически реальной идее отношений между связываемыми компонентами: *тонкий* (тонкий лед, тонкая кожа) > *тонко* – *тонкость* – *уточнить* – *уточняться* – *уточнение*. По мере развития общества, совершенствования языка, в прямом соответствии с требованием увеличения количества лексических единиц, вырабатывается и параллельный способ. В этом случае связь между складываемыми компонентами зачастую устанавливается на образной основе, на переносе (создании слепка с прототипа): *пестух* – *пестушинный* – *пестушинный задор*; *чемодан* – *чемоданный* – *чемоданное настроение* [Тихонов 1988, 61].

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-28-20099, <https://rscf.ru/project/22-28-20099/> при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия.

Следующий ряд слов – финского языка, и они без труда опознаются как однокоренные слова, восходящие к некоему одному древнему форманту: *valmennus* ‘подготовка’, *valmistaa* ‘готовить, готовить’, *valmiste* ‘изделие’, *valmius* ‘готовность’ [Jelisejev 1999, 186]. Здесь нет никакого переноса, а элемент образности появляется тогда, когда сложным словом с данным корнем характеризуется человек: *valmis mies* ‘конченный человек’. Эти устойчивые сочетания хорошо иллюстрируют и различие между языками: в русском языке «ни на что больше не способный» человек – *конченный* [Толковый словарь... 1992, 300], а в финском – готовый. Вообще, данные словарей разных языков подтверждают многие положения концепции имманентного существования и диалектики развития языка. Положение о наличии путей семантического совершенствования, подсказываемых ментальностью этноса, является одним из них [Черемисина 1992, 73–77].

В теоретико-методологическом плане статья основывается на ряде работ, в которых излагаются результаты исследования концептов, образной лексики, путей семантического обогащения в современных языках. Такие работы ценны тем, что в них содержатся размышления о том, как связаны язык и менталитет, как хранятся наши знания о мире, как они структурированы в сознании и языке [Бродский 2014, 358–360; Жизненное пространство... 2021, 197–205; Кошкарева 2020; Кузнецова 1988; Langacker 1991, 59–68; Wierzbicka 1992, 329–354].

Во множестве появляются в последнее время работы, посвященные концептам и их языковым репрезентантам, средствам выражения скрытых и понятийных категорий в данных языках. Благодаря этому можно комплексно подойти к вопросу о специфике языка, в тех или иных своих фрагментах отражающего сами особенности жизни этих народов [Куклин 2013; Норманская 2020; Петров 2021; Vilja 2021; Söder 2001, 47–60].

В ряде трудов содержатся также наблюдения о символах, образах, лежащих в основе появления словообразовательного (или семантического) ряда, о мотивации, обуславливающей семантику лексической единицы [Арзамасова, Насибуллин 2022; Кондратьева 2021; Монастырев, Ефремов 2019; Потпот 2017; Цыганкин 2014; Цыпанов 2018]. Важно, что приводимый в таких работах конкретный языковой материал значительно способствует раскрытию понятия образности применительно к словарному составу (или лексикону) языка.

С точки зрения скрытой этимологии интерес привлекают, прежде всего, именные слова, в современном языке осознаваемые как непроеизводные. Далее перед началом анализа их целесообразно разделить на две группы, в зависимости от того, обозначают они природные или человеческие субстанции. По всей видимости, уже в праязыках первым начал формироваться корпус слов, обозначающих явления неживой природы. В казымском диалекте хантыйского языка в этот состав входят, к примеру, следующие лексические единицы: *пай* ‘бугор’, *вот* ‘ветер’, *вотас* ‘вьюга, метель’, *реп* ‘гора’, *сайхум* ‘гора’, *пайлэң* ‘гром’, *пэсайң* ‘дым’, *карты* ‘железо’, *сорни* ‘золото’, *еңк* ‘лёд’, *лүң* ‘лето’, *йиңк лот* ‘лужа’, *хйтл ёш* ‘луч’, *сорум тәхи* ‘мель’, *щорас* ‘море’, *рүва* ‘обрыв’, *тәрум* ‘погода’, *лоңци пай* ‘сугроб’, *тохтәңвал* ‘голубика’, *сэвупсы* ‘черника’, *сүмәт* ‘береза’, *юх* ‘дерево’, *тунты* ‘берёста’, *аңкәл* ‘пень’ [Кононова 2007, 9–34].

Как видим, достаточно большое число слов в этом ряду являются непроеизводными, и только углубленный этимологический анализ, возможно, даст результаты, поможет сделать определенные выводы относительно логики мысли наших далеких предков. К примеру, возникновение пары *вот* – *вотас*, безусловно, заставляет думать о том, что в каких-то случаях добавление форманта дает повод осмыслять однородные субстанции по степени интенсивности (а также по объему и силе). Можно подумать и о внутренней форме слова *хйтл* ‘солнце’ и ‘день’ [Диалектологический словарь... 2011, 136; DEWOS, 571–574].

Помня о первородном синкретизме мышления древних людей, можно предположить, что главным мотивом для вербализации (обозначения) небесного светила послужило представление о характере его движения. В этом смысле целесообразно видеть в связке указанное именное слово и глагол *хйт-* ‘ползти, медленно двигаться’. Таким образом, линия обусловленности вполне понятна: *солнце* – это то, что *ползет* (медленно движется).

Конечно, в хантыйском языке, как и в любом другом, есть слова, обозначающие предметы и явления, связанные с миром животных. Есть мнение, что по некоторым признакам – это особая, специфическая лексико-семантическая группа. Даже при первом, поверхностном взгляде заметно, что сложных слов в этой группе достаточно много:

не вўлы ‘важенка’, пэрйц ‘свинья’, шовър ‘заяц’, кўрйц вой ‘лось’, пўн ‘шерсть’, хутйц ‘лебедь’, хоңхра ‘дятел’, савне ‘сорока’, тыхйл ‘гнездо’, панне ‘налим’, лытуп ‘икра’, сом ‘чешуя’, лыпанта ‘бабочка’, нимсар ими ‘паук’, мўвлер ‘червь’ [Кононова 2007, 9–34].

Если иметь в виду только производные единицы, легко заметить, что многие из них образованы с использованием отсылочной модели (и явной образностью): савнэ ‘сорока’ (голосистая женщина), нимсар ими ‘паук’ (рукодельная жена), мўвлер ‘червь’ (земляной корень).

Пищу для размышлений дают и слова, входящие в состав семантического поля «Человек, его жизнь и деятельность»: карт ‘деревня’, вең ‘зять’, вэнтуп ‘свекровь’, няврэм ‘ребенок’, ариты хоят ‘певец’, верлы питум хоят ‘бездельник’, кэняр ‘бедняк’, шйниш ‘спина’, лэхйс ‘друг’, тухйл ‘невод’, павърт ‘бревно’, йнтуп кел ‘пояс’, юнтут ‘игрушка’, уцмар ‘хитрость’ и другие [Кононова 2007, 34–89].

Рассмотрение слова няврэм ‘ребенок’ под интересующим нас углом зрения приводит к следующим результатам: суффикс -эм присоединен к тому же корню, от которого образован глагол няври- ‘говорить, злословить’ (и производные от него). По всей видимости, в жизни ханты ребенок, действительно, являлся существом, про которого, сразу при его рождении, много говорят (чаще всего – нейтрально или ласково, по-доброму, но иногда и с негативом). Возможно, в целях оберега в это наименование заранее вкладывалось утверждение, что ребенка уже сглазили, и «говорить больше не о чем».

Глаголы в большинстве своем также образуются от непроизводных корней с помощью суффиксов (небольшая часть которых по огласовке перекликается с теми, которые служат для образования именных слов; но большинство этих суффиксов – глагольные). Многие глаголы образуются от производных именных и глагольных основ (уже имеющих суффиксы, так что появление двух суффиксов в глагольном слове – нередкое явление): хэхйлы ‘бежать’, турастйты ‘беспокоить’, сйратыйлыты ‘бодаться’, пйлыты ‘бояться’, ихйтыты ‘вешать’, нэмйлыты ‘вспомнить’, пйркатты ‘вытряхнуть’, шэшийлыты ‘гулять’, мутишанийлыты ‘догадываться’, ювйртылыты ‘завёртывать’, потыйлыты ‘замерзать’, ёвлйсты ‘колыхаться’, луртты ‘остригать’, пакйнты ‘перепугаться’, малйсты ‘щупать’ [Кононова 2007, 89–166].

Лингвистическое обоснование связи этнической культуры и языка предполагает особый интерес к проблеме разных путей (способов) производства новых слов. В агглютинативных языках, к которым относится хантыйский язык, преобладают два способа – суффиксальный и словосложение. Суть первого из них заключается в том, что присоединяемый к корневой основе суффикс вносит такой необходимый смысл, что образуется новая лексическая единица. Именно этот способ семантического развития демонстрирует раздвоение первоначального синкретизма древнего корня: присоединение некоторого определенного суффикса ведет к зарождению именной парадигмы, снабжение данного корня другим суффиксом дает начало глагольной парадигме. По всей видимости, так пошло развитие и в случае с производными от уральского слова *røtz с предполагаемыми первоначальными значениями ‘наст’ и ‘мерзнуть, замерзнуть’:

*røtz > х. rot ‘наст’, rat-, røt- ‘мерзнуть’, ‘замерзнуть’, мс. rut ‘ледяная корка’, ‘наледь’, в. fáz ‘зябнуть’, ‘мерзнуть’, ?сам. н. rağā- ‘гореть’, rağādē- ‘сжечь’, ‘зажечь’ [Основы 1974, 403].

Предположительно от этого древнего корня образовано и слово rotæt ‘холодный’, в котором вычленяется словообразовательный суффикс -æt. Семантика данного суффикса может быть выявлена путем сопоставления слова rotæt (потэм, потум) с некоторыми другими словами в хантыйском языке (этимологический анализ выявляет в них этот же суффикс):

нёрум ‘болото’, сйңхум ‘гора’, хўлам ‘ложбина’, тарум ‘лютый’, тэрум ‘небо’ и ‘погода’, хойм ‘пепел’, сойм ‘ручей’, ёхум ‘бор’, нёхцум ‘жабры’, пирум ‘овод’, няврэм ‘ребенок’, утишам ‘глупый’, сем хўлум ‘бровь’, есум ‘грудь’, нялум ‘язык’ и др [Кононова 2007, 9–47].

Как видим, в данном списке в большинстве своем представлены слова, в которых компонент -ам указывает на то, что есть исходный объект, с которым производный объект находится в логической связи. Второй вариант: идет ссылка на определенное качество, т. е. указывается на то, каким является предмет вследствие завершенности процесса (или действия). Таким образом, дальнейший анализ, задаваемый концепцией семантического разветвления древнего корня, предусматривает поиск однокоренных слов, и сопоставление всех членов одного гнезда может прояснить мотивацию, лежащую в основе их образования.

Для современного состояния языка определить эту мотивацию зачастую бывает непросто. К примеру, в слове нялум ‘язык (орган во рту)’ выделяются корень нял и суффикс -ум (соотносительный с суффиксом в слове няврэм ‘ребенок’). Предположительно, однокоренным является глагол нелты / нелти ‘глотать’ [DEWOS, 1042]. Следует добавить, что в современном хантыйском языке данный

глагол имеет и значение ‘жрать’. Как видим, некоторое движение в сторону образности намечается (особенно в сравнении с вышеприведенной парой *пот-* ‘замерзать’, *потэм* ‘холодный’), но полностью модель образного переноса не реализуется.

В современном хантыйском языке большинство вычленяемых суффиксов (и в именах, и глаголах) носят обобщенный, абстрактный, лексико-грамматический характер. Мотивационная связь обычно объективная (прямая, прозрачная), отсылка к некоему иному объекту (какому-либо оригиналу, первоисточнику) не предполагается.

Образность при суффиксации возникает в тех нечастых случаях, когда мотивирующий корень и значение производного слова находятся в логическом противоречии. К примеру, слово *сэвусы* ‘черника’, в котором наличествует суффикс *-усы*, представляется произведенным от корня *сэв*, который наблюдается в глаголе *сэвиты* ‘плести, сплестать’. Присоединение суффикса с абстрактным значением дает в языке две новые лексемы: *сэвусы* 1 ‘плетение, сплетение’ и *сэвусы* 2 ‘черника’ [Кононова 2002, 15]. В случае с ‘черникой’ образность заключается в следующем: ветви этой ягоды, растущей близко к земле, сплетаясь между собой, образуют густую сеть.

Названия других ягод также образованы либо суффиксацией, либо словосложением, но реализованная при этом мотивация представляется вполне прозрачной, прямой, логически обусловленной: *вўрты вонцўмут* ‘брусника’ (красная ягода), *ампвал* ‘водяника’ (ягода собак), *тохтўцвал* ‘голубика’ (ягода гагар), *хумўсвал* ‘клюква’ (ягода на кочках), *щичкивал* ‘княженика’ (ягода воробьев), *вўрмалъ* ‘красная смородина’ (*вўрматты* ‘покраснеть’), *шэмши* ‘черная смородина’ (‘рыхлая’ ягода) [Кононова 2002, 15–16]. В этой микро-группе особняком стоит только название ‘морошки’, *мэрўх*, которое, по всей видимости, возникло еще в период уральского языкового единства [Основы 1974, 403].

При словосложении возможностей связать несоединимые элементы становится больше. Неизмеримо расширяется база для появления образных лексических единиц типа *тўтхот* ‘кошелек’ (дом огня), *тухлаң вой* ‘птица’ (крылатое животное), *кўраң вой* ‘лось’ (животное с ногами), *паннэ* ‘налим’ (женщина песчаного берега), *кўти вени* ‘рысь’ (кошачье лицо).

Обращает внимание, что в большинстве вышеприведенных случаев фигурируют новые и новейшие семантические образования. Примеров явной образности в среде древней, исконной лексики не очень много. По-видимому, это объясняется тем обстоятельством, что ядерный состав слов формировался постепенно, на основе первоначальных корней, с постепенным же увеличением фонда словообразовательных суффиксов. Последние, как правило, имеют строгую логическую основу, их появление связано с необходимостью выражения объективных свойств окружающей действительности, и потому возможностей для внесения образной компоненты здесь мало. Но понемногу такие возможности появляются, в частности, они возникают при соединении двух (и более) корней в единую лексему.

В качестве примера можно привести сложные слова с компонентом *хон* ‘лодка’: *тухлаң хон* ‘самолет’ (лодка с крыльями), *тўтўң хон* ‘пароход’ (лодка с огнями). Слово *хон* легко вступает в контакты со словами отвлеченной, общей семантики, в результате чего появляются поговорки типа *Ўсэвем-ўспухем пўта лалъ хона лўллум* ‘За кузину и кузена на войну пойду’ (букв.: За кузину и кузена в лодку войны сяду).

Правила появления образности вступают в полную силу при начале взаимодействия двух крупных блоков лексики, именного и глагольного, для выработки лексических единиц, призванных характеризовать и оценивать человека. К примеру, достаточно отчетливо вычленяется в хантыйском языке основа *тўңар*, но сама по себе, в этом виде она ничего не обозначает, и словом не может быть признана. Если разлагать эту основу на составные части, безусловно, обособляются корень *тўң* и суффикс *-ар*, но в данном случае семантический анализ даёт лишь гипотетический результат: возможно, что постулируемое слово, *тўңар*, существовало в языке и имело значение ‘помятость’: в этой ситуации ближайшими по смыслу словами представляются *тўңары* ‘мятая вещь’, *тўңартты* ‘зажимать, сминать’ и *тўңарлаты* ‘мять, месить’ [Рандымова 2011, 76].

Скрытую образность можно выявить при анализе мотивационных связей и отношений большого ряда именных слов и глаголов в хантыйском языке. К примеру, в группе именной лексики выделяется ряд слов, заканчивающихся на компонент *-х*, *-эх* (*-ах*, *-ўх*), *-хи* (*-ха*), который этимологически представляется словообразовательным суффиксом: *еңк щўрахи* ‘сосулька’, *римх* ‘сумерки’, *мэрўх* ‘морошка’, *юх* ‘дерево’, *тулўх* ‘гриб’, *эңх* ‘смола’ и ‘нора’, *пушўх* ‘детеныш’, *лолмах* ‘росомаха’, *луңх* ‘копыто’, *хэлўх* ‘ворон’, *сурўх* ‘сырок’, некоторые другие [Кононова 2007, 14–32].

В результате исследования сформулировано понятие образности применительно к словарному составу (или лексикону) языка, проведено разграничение между глубинной (или скрытой) и явной, лежащей на поверхности, образностью. Определено, что это качество – быть образным – бывает двоякого свойства. Оно может быть свойственно слову в современный период развития языка, и этот факт бывает зафиксирован в словарях. Либо это обстоятельство (что данная лексическая единица – образная), выявляется в результате анализа происхождения слова. Данный факт обычно обнаружится в результате составления словаря образных единиц конкретного языка. Понятие образности применительно к хантыйскому языку выведено в результате анализа семантической структуры лексем, входящих в семантические поля «Природа» и «Человек, его жизнь и деятельность». В статье кратко изложены результаты семантического анализа таких лексических единиц, как *хӓтл* ‘солнце’, *тулх* ‘гриб’. В подобных словах усматривается снятая (скрытая) образность. Явная образность свойственна лексическим единицам типа *тӓтхот* ‘кошелек’ (дом огня), *сэвусы* ‘черника’ (сплетение, сеть), *кӓраң вой* ‘лось’ (животное с ногами), *паннэ* ‘налим’ (женщина песчаного берега), *кӓти вени* ‘рысь’ (кошачье лицо). Во всех этих случаях внесение элемента образности рассматривается как нарушающий общепринятую логику, нетривиальный способ словообразования, суть которого заключается в том, что с оригинала снимается слепок. Оригинал – это внутренняя форма исходного корня, уже использованная для образования новой лексической единицы, но только в своем прямом, объективном денотативном значении.

Согласно выдвигаемой гипотезе, образность в любом языке широко проявляется уже на уровне слова (лексической единицы). Далее, она имеет формы проявления на грамматическом и фразеологическом уровнях, т. е. является функционально-семантической категорией (с планом содержания и планом выражения). Эту образность не придумывает говорящее лицо, языковая единица потенциально ею обладает. Это качество свойственно слову в современный период развития языка (и часто этот факт бывает зафиксирован в словарях) или оно выявляется в результате анализа происхождения слова.

На основе анализа лексической семантики можно проводить разграничение между скрытой (в этимологии) образностью, формально выраженной (при словообразовании) образностью и включённой образностью (при создании эпитетов, сравнений, олицетворений и других выразительных средств). В результате этимологического анализа древних (старых) корней и образованных от них лексических единиц напрашивается вывод о различии трех видов семантической трансформации. В первом случае первоначальный синкретизм (во взгляде на мир) неизбежно распадается, и далее параллельно развиваются две парадигмы, именная и глагольная: *нул / нюл ‘мякоть’ > *нюлхи* ‘пихта’ и др. слова ~ *нулт-* ‘разминать’ и др. слова. Вторая линия – это новое словопроизводство методом переноса свойств одной субстанции на другую (что в современном языке квалифицируется как скрытая образность): *ляк-* ‘лепить’ > *лякса-* ‘переродиться, уродиться’.

В третьем случае налицо уже явная образность. Условием объявления лексической единицы образной является то, что в результате семантического и этимологического анализа становятся заметными момент переосмысления и нарушение строгой, нормальной логики (что проявляется в столкновении субстанций, обычно не сочетающихся в реальной действительности). Ориентиром могут служить, к примеру, такие единицы хантыйского языка как *сэвусы* ‘сплетение’, *тӓтхот* ‘кошелек’ (дом огня), *тухлаң хоп* ‘самолет’ (лодка с крыльями), *паннэ* ‘налим’ (женщина песчаного берега), *кӓти вени* ‘рысь’ (кошачье лицо).

ЛИТЕРАТУРА

Арзамазова О. А., Насибуллин Р. Ш. Названия серой куропатки (*Perdix perdix*) в удмуртских диалектах // *Linguistica Uralica*. 2022. Vol. 58. №2. Рр. 122–131.

Бродский И. В. Номинация растений по признаку места их произрастания в финно-пермских языках // Вопросы уралоистики 2014: Научный альманах / Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: «Нестор-История», 2014. С. 300–361.

Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / под редакцией Н. Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Издательство «Баско», 2011. 208 с.

Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири / отв. ред. Н. Б. Кошкарева, Е. В. Тюттешева / Институт филологии Сибирского отделения РАН. Новосибирск: ООО «Академиздат», 2021. 300 с.

Кондратьева Н. В. Образ «солнца» в поэзии Кузубая Герда // *Linguistic Typology 2: Проблемы лингвистической типологии и культурологии*. Материалы II Международного симпозиума, посвященного 90-летию

Удмуртского государственного университета и удмуртского филологического образования в вузе. Сборник научных статей / ред. кол.: Н. Н. Тимерханова (отв. ред.), Т. А. Краснова, Н. В. Ильина. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2021. С. 8–14.

Кононова С. П. Русско-хантыйский тематический словарь (казымский диалект). СПб.: Просвещение, 2002. 216 с.

Кошкарева Н. Б. Цветообозначения в уральских языках Сибири: цвет или свет, прилагательные или глаголы? // Критика и семиотика. 2020. №2. С. 152–166.

Кузнецова Э. В. К проблеме семантизации базовых единиц в словаре семантических классов русских глаголов // Словарные категории: сборник статей / отв. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Наука, 1988. С. 23–27.

Куклин А. Н. Этнокультурные и межъязыковые контакты финно-угров и самодийцев (на материалах марийского и селькупского языков) // Уральские и алтайские языки и народы: сопоставительно-типологический взгляд: материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения выдающегося финно-угроведа и алтаиста М.-А. Кастрена (1813-1852) (Абакан, 25-28 сентября 2013 г.) / отв. ред. А. Д. Каксин. Абакан: Издательство ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2013. С. 80–87.

Монастырѳв В. Д., Ефремов Н. Н. Лексические средства выражения категории образности в якутском и монгольском языках (на материале образных глаголов визуального действия, характеризующих движение) // Категория образности в языке (на материале сопоставления якутского языка с казахским, киргизским, алтайским и монгольским языками): коллективная монография / отв. ред. С. М. Прокопьева. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2019. С. 163–174.

Норманская Ю. В. Названия одежды у прасамодийцев // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. №68. С. 42–57.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Институт русского языка РАН; Российский фонд культуры. М.: Азъ Ltd., 1992. 960 с.

Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: «Наука», 1974. 484 с.

Петров А. А. Языковая картина мира в этнокультурном менталитете тунгусо-маньчжурских и тюркских народов Севера России // “Homo Eurasicus” в системах «картин мира». СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. С. 19–32.

Потпот Р. М. Концепт ‘дом’ в хантыйском и ненецком языковом сознании // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. №4-1. С. 292–302.

Рандымова З. И. Хантыйско-русский словарь (приуральский диалект). Салехард: Издательство «Красный Север», 2011. 96 с.

Тихонов А. Н. Вопросы семантизации производных слов в толковых словарях // Словарные категории: сборник статей / отв. ред. Ю. Н. Караулов. М.: «Наука», 1988. С. 59–68.

Цыганкин Д. В. О словообразовательной потенции прафинно-угорского словообразовательного суффикса *-ŋ* в мордовских, хантыйском и мансийском языках // Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами лингвиста-финно-угроведа: сборник избранных статей. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2014. С. 43–52.

Цыпанов Е. А. Развитие семантики слов коми *поз*, удм. *пуз* в пермских языках // *Linguistica Uralica*. 2018. Vol. 54. №1. Pp. 31–39.

Черемисина М. И. Языки коренных народов Сибири: Учебное пособие / Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 1992. 92 с.

Чесноков П. В. Неогумбольдтианство // Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М.: «Наука», 1977. С. 7–62.

Jelisejev Ju. Gummeruksen suomi venäjä suomi sanakirja. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 1999. 430 p.

Langacker R. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991. 405 p.

Söder T. “Walk This Way”: Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2001. 154 p. (*Studia Uralica Upsaliensia* 33)

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin: Akademie-Verlag, 1966–1993. 2019 S.

Vilja O. The Words for Malt in Finnic Languages // *Linguistica Uralica*. 2021. Vol. 57. №4. Pp. 241–249.

Wierzbicka A. Semantic, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. New York; Oxford: Oxford University Press, 1992. 496 p.

Поступила в редакцию 21.02.2023

Каксин Андрей Даниловичдоктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
655017, Россия, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Ленина, 90

E- mail: adkaksin@yandex.ru

ORCID.org: 0000-0001-9632-8286

A. D. Kaksin**OLD ROOTS AND NEW LEXICAL UNITS: FIGURATIVE COMPREHENSION
AS A WORD-FORMING STRATEGY**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-314-322

The article considers one of the most important linguistic semantic phenomena – the creation of new lexemes, based on existing units, in some formal way (suffixation, verbiage), supported by semantic transformation. Objective: to identify cases of hidden (etymological) and updated imagery among the units of the basic vocabulary in the Khanty language.

As a result of the study, the concept of imagery was formulated in relation to the vocabulary (or lexicon) of the language, a distinction was made between deep (or hidden) and explicit, lying on the surface, imagery. Removed (or hidden) imagery is postulated in many cases when the so-called “non-suffix” method of word formation is discovered. It can be called such if we proceed from the realities of the modern language: etymological analysis allows us to identify the component that participated in the creation of the word at the ancient stages of the development of this language.

Explicit imagery is fixed among those cases when a new lexical unit is formed using living suffixes or verbiage. At the same time, sometimes a semantic complication occurs: the appearance of a new dictionary unit is due not so much to affixation (or the sum of the components of the roots), but to a figurative rethinking of the value of the motivating root (or components). In all these cases, the introduction of the imagination element is considered to violate the generally accepted logic, a non-trivial method of word formation.

Consideration of the possibility of highlighting a separate category of figurative words is an innovation in Khanty linguistics. The empirical basis of the study was the recordings of the Khanty spoken language (made in the period 1985-2001) and the dictionaries of the Khanty language.

Keywords: language lexicon, imagery, ethnic culture, cognitive function of language, general linguistics, linguistic typology, Khanty language.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 3, pp. 314–322. In Russian.

REFERENCES

Arzamazova O. A., Nasibullin R. Sh. Nazvaniya seroj kuropatki (*Perdix perdix*) v udmurtskih dialektah [The Names of the Gray Partridge (*Perdix perdix*) in Udmurt Dialects] // *Linguistica Uralica*. 2022. Vol. 58. №2. Pp. 122–131. In Russian.

Brodskij I. V. Nominaciya rastenij po priznaku mesta ih proizrastaniya v finno-permskih yazykah [Nomination of plants by place of their growth in Finn-Permian languages] // *Voprosy uralistiki 2014* [Issues of Uralistics 2014]: Nauchnyj al'manah / Institut lingvisticheskikh issledovanij RAN. SPb.: «Nestor-Istoriya» [«Nestor-Istoriya» Publ.], 2014. Pp. 300–361. In Russian.

Dialektologicheskij slovar' hantyjskogo yazyka (shuryshkarskij i priural'skij dialekty) [Dialectological dictionary of the Khanty language (Shuryshkar and Ural dialects)] / pod redakciej N. B. Koshkarevoj. Ekaterinburg: Izdatel'stvo «Basko» [«Basko» Publ.], 2011. 208 p. In Khanty and Russian.

Zhiznennoe prostranstvo i duhovnyj mir cheloveka cherez prizmu yazykov Sibiri [The living space and spiritual world of man through the prism of the languages of Siberia] / otv. red. N. B. Koshkareva, E. V. Tyuntesheva / Institut filologii Sibirskogo otdeleniya RAN. Novosibirsk: OOO «Akademizdat» [«Akademizdat» Publ.], 2021. 300 p. In Russian.

Kondrat'eva N. V. Obraz «solnca» v poezii Kuzebaya Gerda [The image of the “sun” in the poetry of Kuzebai Gerd] // *Linguistic Typology 2: Problemy lingvisticheskoi tipologii i kul'turologii. Materialy II Mezhdunarodnogo simpoziuma, posvyashchennogo 90-letiyu Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta i udmurtskogo filologicheskogo obrazovaniya v vuze. Sbornik nauchnykh statej* [Problems of linguistic typology and cultural studies. Materials of the II International Symposium dedicated to the 90th anniversary of Udmurt State University and Udmurt philological education at the university: Collection of scientific articles] / red. kol.: N. N. Timerhanova (otv. red.), T. A. Krasnova, N. V. Il'ina. Izhevsk: Udmurtskij gosudarstvennyj universitet [Udmurt State University Publ.], 2021. Pp. 8–14. In Russian.

Kononova S. P. Russko-hantyjskij tematiceskij slovar' (kazymskij dialekt) [Russian-Khanty thematic dictionary (Kazym dialect)]. SPb.: «Prosveshchenie» [«Prosveshchenie» Publ.], 2002. 216 p. In Khanty and Russian.

Koshkareva N. B. Cветоoboznacheniya v ural'skikh yazykakh Sibiri: cvet ili svet, prilagatel'nye ili glagoly? [Color meanings in the Ural languages of Siberia: color or light, adjectives or verbs?] // Kritika i semiotika [Criticism and semiotics]. 2020. №2. Pp. 152–166. In Russian.

Kuznecova E. V. K probleme semantizacii bazovykh edinic v slovare semanticheskikh klassov russkikh glagolov [To the problem of semantisation of basic units in the dictionary of semantic classes of Russian verbs] // Slovarnye kategorii [Dictionary categories]: sbornik statej / otv. red. Yu. N. Karaulov. M.: «Nauka» [«Nauka» Publ.], 1988. Pp. 23–27. In Russian.

Kuklin A. N. Etnokul'turnye i mezh'yazykovye kontakty finno-ugrov i samodijcev (na materialah marijskogo i sel'kupskogo yazykov) [Ethno-cultural and inter-linguistic contacts of Finno-Ugric and Samoyed (based on materials from the Mari and Selkup languages)] // Ural'skie i altajskie yazyki i narody: sopostavitel'no-tipologicheskij vzglyad [Ural and Altai languages and peoples: a comparative-typological view]: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 200-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya finno-ugroveda i altaista M.-A. Kastrena (1813-1852) (Abakan, 25-28 sentyabrya 2013 g.) / otv. red. A. D. Kaksin. Abakan: Izdatel'stvo HGU im. N. F. Katanova [Katanov Khakass State University Publ.], 2013. Pp. 80–87. In Russian.

Monastyryov V. D., Efremov N. N. Leksicheskie sredstva vyrazheniya kategorii obraznosti v yakutskom i mongol'skom yazykakh (na materiale obraznykh glagolov vizual'nogo dejstviya, harakterizuyushchih dvizhenie) [Lexical means of expressing the category of imagery in the Yakut and Mongolian languages (based on the material of figurative verbs of visual action that characterize movement)] // Kategoriya obraznosti v yazyke (na materiale sopostavleniya yakutskogo yazyka s kazahskim, kirgizskim, altajskim i mongol'skim yazykami) [Imagery category in the language (based on the material of comparing the Yakut language with the Kazakh, Kyrgyz, Altai and Mongolian languages)]: kollektivnaya monografiya / otv. red. S. M. Prokop'eva. Yakutsk: Izdatel'skij dom SVFU [SVFU Publishing House], 2019. Pp. 163–174. In Russian.

Normanskaya Yu. V. Nazvaniya odezhdy u prasadijcev [Clothes Vocabulary in the Proto-Samoyed Language] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Bulletin of Tomsk State University: Philology]. 2020. №68. Pp. 42–57. In Russian.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Talk dictionary of the Russian language] / Institut russkogo yazyka RAN; Rossijskij fond kul'tury. M.: Az" Ltd. [Азъ Ltd. Publ.], 1992. 960 p. In Russian.

Osnovy finno-ugorskogo yazykoznanija. Voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskih yazykov [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Issues of origin and development of Finno-Ugric languages]. M.: «Nauka» [«Nauka» Publ.], 1974. 484 p. In Russian.

Petrov A. A. Yazykovaya kartina mira v etnokul'turnom mentalitete tunguso-man'chzhurskih i tyurkskih narodov Severa Rossii [The linguistic picture of the world in the ethnocultural mentality of the Tunguso-Manchu and Turkic peoples of the North of Russia] // "Homo Eurasicus" v sistemah «kartin mira» ["Homo Eurasicus" in the systems of "paintings of the world"]. SPb.: Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gercena [Cercen namen University Publ.], 2021. Pp. 19–32. In Russian.

Potpot R. M. Koncept 'dom' v hantyjskom i neneckom yazykovom soznanii [The concept of "house" in the Khanty and Nenets language consciousness] // Sovremennye issledovaniya social'nykh problem [Modern studies of social problems]. 2017. T. 9. №4-1. Pp. 292–302. In Russian.

Randymova Z. I. Hantyjsko-russkij slovar' (priural'skij dialekt) [Khanty-Russian dictionary (Ural dialect)]. Salekhard: Izdatel'stvo «Krasnyj Sever» [«Krasnyj Sever» Publ.], 2011. 96 p. In Khanty and Russian.

Tihonov A. N. Voprosy semantizacii proizvodnykh slov v tolkovykh slovaryah [Questions of semanticization of derived words in explanatory dictionaries] // Slovarnye kategorii [Dictionary categories]: sbornik statej / otv. red. Yu. N. Karaulov. M.: «Nauka» [«Nauka» Publ.], 1988. Pp. 59–68. In Russian.

Cygankin D. V. O slovoobrazovatel'noj potencii prafinno-ugorskogo slovoobrazovatel'nogo suffiksa -ŋ v mordovskih, hantyjskom i mansijskom yazykakh [On the word-forming potency of the pre-Finno-Ugric word-forming suffix - ŋ in Mordovian, Khanty and Mansi languages] // Cygankin D. V. Mordovskie yazyki glazami lingvista-finno-ugroveda [Mordovian languages through the eyes of a Finno-Ugric linguist]: sbornik izbrannykh statej. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta [Mordovian University Publ.], 2014. Pp. 43–52. In Russian.

Cypanov E. A. Razvitie semantiki slov komi poz, udm. puz v permskikh yazykakh [Development of semantics of Komi *noz*, Udm. *nyz* words in Permian languages] // Linguistica Uralica. 2018. T. 54. №1. Pp. 31–39. In Russian.

Cheremisina M. I. Yazyki korennyh narodov Sibiri: Uchebnoe posobie [Indigenous languages of Siberia: Textbook] / Novosibirskij gosudarstvennyj universitet [Novosibirsk State University]. Novosibirsk, 1992. 92 p. In Russian.

Chesnokov P. V. Neogumbol'dtiansstvo [Neogumboldtianism] // Filosofskie osnovy zarubezhnyh napravlenij v yazykoznanii [Philosophical foundations of foreign directions in linguistics]. M.: «Nauka» [«Nauka» Publ.], 1977. Pp. 7–62. In Russian.

Jelisejev Ju. Gummeruksen suomi venäjän suomi sanakirja. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 1999. 430 p. In Finnish and Russian.

Langacker R. Concept, image, and symbol: The cognitive basis of grammar. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991. 405 p. In English.

Söder T. “Walk This Way”: Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2001. 154 p. (Studia Uralica Upsaliensia 33). In English.

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin: Akademie-Verlag, 1966–1993. 2019 p. In Khanty, German, and Russian.

Vilja O. The Words for Malt in Finnic Languages // Linguistica Uralica. 2021. Vol. 57. №4. Pp. 241–249. In English.

Wierzbicka A. Semantic, Culture, and Cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations. New York; Oxford: Oxford University Press, 1992. 496 p. In English.

Received 21.02.2023

Kaksin Andrey Danilovich

Doctor of Philology

Leading Researcher, Katanov Khakass State University

90, Lenin St., Abakan, 655017, Russia

E-mail: adkaksin@yandex.ru

ORCID.org: 0000-0001-9632-8286